

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.

А. Форрест

Вероятно, это общеизвестный факт, что каждая нация нуждается в истории, и особенно велика такая потребность во времена становления национального самосознания, как это было в XVIII в. Образ прошлого составляет важную часть как государственной идеологии, так и национальной самоидентификации. Подобный образ, конечно, не должен быть ни скрупулезно точным, ни даже хотя бы просто правильным — это может быть ряд мифов или тщательно отобранных преданий о прошлом страны. Но для того, чтобы эти предания оказывали воздействие, они должны быть знакомы каждому, должны содержать отсылки, заставляющие людей так или иначе отождествлять себя с произошедшим.

К примеру, в период Третьей республики публичное искусство и скульптуры, бывшие в моде и украшавшие улицы и площади Парижа, прославляли великих людей Франции, ученых и философов, музыкантов и просветителей — равно как и республиканских политиков минувшего и настоящего¹; в то же время использовавшиеся в государственных школах учебники восхваляли тех, кто помогал централизации государства и кто спасал Францию от вторжений неприятеля: Верцингеторикса и Жанну д'Арк, Филиппа Августа и Генриха IV. Особенно выделяли полководцев периода Французской революции — Гоша, Марсо, Клебера и (не столь однозначно) Бонапарта².

Алан Форрест, профессор Йоркского университета, директор Центра изучения XVIII в.

¹ См.: *Hargrove J.* Les statues de Paris. La représentation des grands hommes dans les rues et sur les places de Paris. P., 1980.

² *Amalvi Ch.* De l'art et la manière d'accommoder les héros de l'histoire de France. Essais de mythologie nationale. P., 1988. Так же см. иллюстрации и текст в кн.: *Idem.* Les

В этом не было ничего нового. Французское государство давно знало о выгодах, которые можно получить, превознося прошлое. Эпические поэмы эпохи Возрождения, такие как «Франсиада» Ронсара, излагали предания о военной славе, восхваляли Французскую монархию. Точно так же советники Людовика XIV старательно устанавливали статуи короля и триумфальные арки в важнейших местах провинциальных городов³.

Что касается XVIII века, то царствования Людовика XV и Людовика XVI были отмечены щедрым покровительством искусствам и созданием открытых для публики галерей и садов со скульптурами, прославляющими великих людей Франции, и новой модой на огромные холсты, изображавшие и объяснявшие ее историю.

Культ великих людей отражался в статуях и городской архитектуре (Квартал Великих Людей в Бордо только один из более изысканных примеров), равно как и в панегириках, читавшихся в провинциальных академиях, и в специально заказывавшихся исторических полотнах, выставлявшихся на Парижских салонах 1770-х и 1780-х гг. Напоминания об истории встречались повсеместно, стали обыденным явлением. Как удачно выразился Дэвид Белл «последние тридцать лет Старого порядка французы жили в блестящей компании приведенный»⁴.

* * *

Вывод отсюда должен казаться очевидным. В период становления национального самосознания ощущение своей истории и своего места в ней практически необходимо для национальной гордости, равно как и поиск ориентиров в прошлом, которые были бы знакомы всем.

Но что делать, если кто-то не имеет истории либо не готов ее признать своей? С такой ситуацией Франция столкнулась во время Революции. Прошлое Франции было отвергнуто, правление королей осуждено как тирания, а социально-экономическая система, основанная на сеньориальном строе, разрушена чередой законопроектов, принимавшихся начиная с 1789 г. Не могло быть никаких компромиссов с тиранией, никаких обращений к прошлому, которое стиралось из законодательства, и, насколько это возможно, из народной памяти. Даже первые революционеры отказывались признавать какую-либо преем-

héros de l'histoire de France. Toulouse, 2001.

³ *Burke P.* The Fabrication of Louis XIV. New Haven (Ct.), 1992. P.156.

⁴ *Bell D.* The Cult of the Nation in France. Inventing Nationalism, 1680–1800. Cambridge (Mass.), 2001. P.107–109.

ственность между конституционной монархией и тем, что было до нее, и не считали, что их нынешняя преданность Людовику XVI как Королю французам подразумевает уважение к прежнему абсолютному монарху Людовику, которого так жестоко высмеивали, изображая в карикатурном виде, памфлетисты и издатели в два предыдущих десятилетия.

После свержения короля в августе 1792 г. и провозглашения республики всякая видимость преемственности была уничтожена. Революционеры понимали, что организация нового порядка означала, прежде всего, избавление от прошлого: было ли это разрушение Бастилии или сжигание сеньориальных архивов, устранение социальных и церковных различий, или потакание революционному вандализму — большая часть того, что они делали, было сознательным отречением от прошлого. Статуи королей сбрасывались со своих постаментов, а резные изображения святых и апостолов вокруг церковных порталов торжественно обезглавливались.

Наиболее поразительной из перемен было упразднение григорианского календаря и введение революционного летосчисления с непрекаемым убеждением в том, что история началась заново с провозглашения республики — события столь же важного для нового порядка, как рождение Христа для старого⁵. Революции не пытаются создавать что-либо на основе прошлого, они ищут новые отправные пункты для новой эпохи. Люди Первой республики не имели, таким образом, возможности апеллировать к прошлому Франции и к авторитету великих людей эпохи Бурбонов, за исключением тех немногих, кто критиковал прежний режим, проповедуя Просвещение и гуманистическую мораль. Руссо или Монтескье еще можно было отнести к отцам-основателям революционного порядка⁶. Но в остальном революционеры не хотели оглядываться назад. У Франции не было истории.

* * *

Так где же революционерам было искать эти необходимые ориентиры, с которыми можно было бы соотнести их достижения и которые послужили бы путеводными вехами их народу? В конце концов, история дает нечто большее, чем просто воспоминание о былой славе и ее подтверждение; она наделяет коллективным самосознанием, опытом,

⁵ *Shaw M.* Time and the French Revolution, 1789- an XIV: D.Phil.Thesis. University of York, 2000. См. также: Reactions to the French Republican calendar // French History. 2001. N 15. P.4–25.

⁶ *Hampson N.* Will and Circumstance. Montesquieu, Rousseau and the French Revolution. L., 1983. P.55–64.

недоступным чужакам, является частью той общей культуры, которая объединяет нацию. В неревOLUTIONных государствах история также может обеспечивать основу легитимности власти. Французы, отрицая то, что было раньше, сами отказались от словаря и символов, которые соседние с ними государства продолжали использовать с выгодой для себя. Ситуация еще больше усугублялась тем, что революционеры реформировали религиозную сферу, отказавшись, таким образом, и от традиционного христианского языка. Их революция была светской, не такой, как в Англии 1640-х гг.; в ней не было места апелляции к христианству, а тем более к христианской морали. Она отвергала также иконографию католической церкви, которая являлась для многих французов важным аспектом повседневности. Эти два осознанных решения — отвергнуть собственную историю и христианскую веру — угрожали внести смятение в умы людей и создать культурный вакуум в самом сердце революции. В результате, Революция должна была сформировать новую систему символов, чтобы заполнить *tabula rasa*, которую сама же сотворила, и найти новые ориентиры для нации. Поскольку революционеры не могли искать такие ориентиры в том мире, который они намеренно разрушили, им приходилось искать другие примеры, что создавало для них определенные проблемы. Исторические путеводные вехи не могли выбираться случайно. Нужно было, чтобы их знало большинство французов и чтобы они подходили для сравнения, которое могло бы придать дополнительный смысл произошедшему во Франции⁷.

* * *

Революционеры, предполагая, нуждались в исторических ориентирах, чтобы довести свои идеи до соотечественников. Отчасти их выбор был ограничен тем, что французам многие регионы Европы и, более того, даже значительные моменты их собственной истории, были незнакомы. Так, Россия и Австрия, к примеру, действительно были отдаленными местами, о которых даже образованные французы знали совсем немного; равно как не знали они историю Скандинавии и многочисленных Германских государств по Рейну. Еще более удивительно то, что, несмотря на недавнее участие французских войск в Войне за независимость США, ссылки на почти современную Американскую революцию в речах и памфлетах времен Французской революции встречались редко. Имя Джорджа Вашингтона упоминалось на редкость неохот-

⁷ Ozouf M. La fête révolutionnaire, 1789–1799. P., 1976. P.15–20; Starobinski J. 1789: Les emblèmes de la Raison. P., 1979.

но, равно как неохотно проводились и параллели между событиями во Франции и в молодой республике Соединенных Штатов.

Опять же, хотя это может показаться удивительным, но причиной тому, возможно, была относительная неосведомленность части французов. События, связанные с рождением Соединенных Штатов, еще могли оставаться в памяти, но Америка была довольно далеко и корни Американской революции восходили к колониальному мятежу против Британии, а потому сравнивать общество тринадцати колоний и Франции Старого порядка было довольно трудно, несмотря на то, что обе революции использовали один и тот же, привычный для XVIII в., дискурс.

Революционная Франция сразу заявила о равенстве всех перед законом, который применялся по всей стране, в рамках сильного централизованного государства, в то время как Америка настаивала на федеративной форме государственности полунезависимых штатов. Поэтому французы предпочитали искать параллели в других временных и пространственных рамках, не столь близких, но хорошо знакомых общественному мнению XVIII в. Одним из таких источников параллелей стали, конечно, древние Греция и Рим, что уже давно было отмечено историками⁸, другим — Англия XVII века.

* * *

Сочинения революционеров изобилуют отсылками к Античности, будь то демократия Афин или система обучения в Спарте. Будучи детьми века Просвещения, они, разумеется, были хорошо знакомы с историей древнего мира, ведь они учили Ливия и Цицерона в своих провинциальных коллежах. Поэтому они так легко ссылались на ключевые моменты греческой и римской истории, на самоотверженность Брута или вероломство Катилины, зная, что эти ссылки знакомы всем людям их происхождения и воспитания, ведь это была часть общей культуры. Более того, делая отсылки к античности, революционеры выстраивали некую абстракцию, идеал республики и политики, а также возрождали дискурс, появившийся еще в те времена. Если кто-нибудь из Конвента непрерывно ссылался на Солона или Леонида, Демосфена или Брута, то это делалось отнюдь не для того, чтобы произвести впечатление своей классической риторикой на окружающих, и не потому, что кто-либо считал действительно возможным сравнивать Францию XVIII века с небольшими полисами античности. Скорее, революционеры использовали ссылки на античность, чтобы сделать более доходчивыми

⁸ *Parker H.T. The Cult of Antiquity and the French Revolutionaries. Chicago (Ill.), 1937.*

и выразительными свои аргументы, чтобы объяснить современникам хаотичное состояние Франции, полагая, что такой язык будет легко понят публикой. Конституционные монархисты и республиканцы равно были склонны обращаться к античности, поскольку и те, и другие находили в древнем мире идеалы и принципы гражданской добродетели. Даже термидорианцы, отвергая многое в якобинской республиканской идеологии, продолжали использовать греческий и римский символизм и связывать свой опыт с опытом классической эпохи⁹. Они расценивали людей античности как своих предшественников в стремлении к демократии, как людей, с которыми их объединяло общее дело. «Они видели в них, — считает Клод Моссе, — тех, кто в далеком прошлом пережил драматические события, сравнимые с их собственными»¹⁰.

* * *

Обилие упоминаний революционерами Карла I и Английской гражданской войны может навести на мысль, что французы видели себя находящимися в сопоставимой ситуации. Но так ли это? Мало кто пытался отождествлять обе революции, еще меньше — проводить прямые параллели между Англией XVII века и Францией конца XVIII. Действительно, многие ораторы упоминали Английскую гражданскую войну, предупреждая об опасностях, которым может подвергнуться Франция и которые могут угрожать ее революционным идеалам, однако примечательно, что очень мало делалось отсылок к последующей политической революции 1688 г. К опасностям, о которых предупреждал урок Английской революции, относились: идеологическая нетерпимость, религиозный фанатизм, узость мышления и, в конечном счете, тирания, порожденная амбициями и жадностью генералов. Той формы, которую носила республика в Англии, французам необходимо было избегать, поскольку республика там, во-первых, имела автократичный характер, а во-вторых, привела к реставрации Стюартов в 1660 г. и крушению революционного проекта. Таким образом, пример Стюартовской Англии должен был служить предупреждением, а не примером для подражания. Это наиболее ярко выражалось в памфлетах, таких как изобличительное сочинение «Англия, поучающая Францию, или Историческая и политическая картина царствований Карла I и Карла II», анонимно опубликованное в 1793 г. Текст представлял собой настоящую диатрибу против эксцессов, допущенных английскими пуританами. На фронтисписе памфлета каж-

⁹ *Jainchill A. The Constitution of the Year III and the Persistence of Classical Republicanism // French Historical Studies. 2003. N 26. P.403.*

¹⁰ *Mossé Cl. L'Antiquité dans la Révolution Française. P., 1989. P.157.*

дая из двух стран была изображена в виде женской фигуры со львом у ног, при этом Англия указывала на книгу, начинающуюся словами «Читай-те и трепещите», за которыми следовало: «8 февраля 1649 г. я совершила великое преступление; опасайтесь следовать моему примеру»¹¹.

Мысль была предельно ясна. Но, что интересно, ссылка эта носит обобщающий характер: речь идет о европейской революции, уроки которой должны быть усвоены; происходит совмещение двух революций, из чего, предполагается, могут быть сделаны полезные выводы. Почему? Я не думаю, что причиной тому является сам факт революции или достаточно очевидные совпадения: король, обвиненный в тирании и пренебрежении желаниями подданных, возникшая в условиях войны республика, последовавшие затем осуждение и казнь Карла I. Эти совпадения, все яснее вырисовывавшиеся по мере развития событий во Франции, многое объясняют в этих параллелях, но не все. Происходили в XVIII в. и другие революции во имя гражданских прав, которые были более близки к Французской хронологически и географически и к которым могло бы быть привлечено общественное внимание, — например, революции в Австрийских Нидерландах или в Женеве. Однако ораторы обращались к опыту Англии, теме убийства короля и огромным амбициям Оливера Кромвеля. Причина тому кроется отчасти в общей притягательности Англии и всего английского, в англomanии, охватившей образованную французскую общественность с середины века и, особенно, с момента публикации в 1734 г. «Философских писем» Вольтера. Англия уже не была всего лишь традиционным врагом Франции. Теперь британские институты казались прочными, а британская конституция представлялась гарантом свобод — примером для подражания, который Монтескье прославил в «Духе законов». С усилением авторитета философов Англия стала вызывать интерес: французы читали английские романы, восторгались английским вкусом и все чаще отправлялись путешествовать по Альбиону. Англичане были «философским и свободным народом», теми соседями, о которых французская публика хотела читать и знать больше¹².

Французский интерес к Англии, возникший еще за полвека до 1789 г., распространялся и на английскую историю, в результате чего ссылки на Английскую революцию, Карла I и Кромвеля были понятны

¹¹ L'Angleterre instruisant la France, ou Tableau historique et politique du règne de Charles Ier et de Charles II, servant d'introduction à la relation de la mort cr.... et b.... de Charles Ier, suivie de sa harangue sur l'échafaud. Londres et Paris, 1793.

¹² Grieder J. Anglomania in France, 1740–89. Fact, Fiction and Political Discourse. Geneva, 1985. P.147–50.

всем, тогда как в отношении истории других европейских стран, напротив, царило полное невежество. Англия развивалась по пути, весьма отличному от французского, а потому казалась хорошим примером для сравнения при оценке уровня собственного прогресса. Почему Англия так преуспела в торговле? В какой степени ее коммерческие успехи определяются ее парламентскими институтами? И почему английские политические свободы развивались так, как они развивались? Английскую историю во Франции изучали с новым рвением, особенно работы английского историка, пользовавшегося наивысшим авторитетом — Дэвида Юма, больше известного своей «Историей Англии» (появление ее французского перевода в 1760 г. было встречено с восторгом), нежели своей шотландской философией. У Юма было важное преимущество — хорошее знание французского языка. В 1763 г. он прибыл для службы при британском посольстве в Париже, где пользовался удивительно высокой репутацией у французских критиков, оказавших ему несравнимо более теплый прием, чем он имел у себя в Англии. Многие восторгались его беспристрастностью и объективностью, что ставило Юма в их глазах над мелкими спорами партий и фракций, хотя революционеры, вроде Бриссо, и возражали, утверждая, что целью исторических сочинений является скорее просвещение и воспитание, нежели достижение некоего предполагаемого уровня объективности. Несомненно, сегодня многие согласятся с Бриссо, но в те времена именно стремление к объективности вызывало особое отношение к сочинениям Юма, обеспечив ему широкий и всегда благосклонный круг читателей. Мадам де Сталь была одной из тех, кто верил, что английская историография намного превосходит французскую, что английские историки уступают лишь античным, хотя и более философичны, чем они, в своих подходах¹³. Юм пожинал плоды своего успеха: до 1789 г. его история Стюартов выдержала десять переизданий во Франции¹⁴.

* * *

Юм сделал Английскую гражданскую войну центральным событием в своей истории, и французы разделяли его восхищение той эпохой. Действительно, в сравнении обеих революций важную роль играли характеристики двух главных фигур гражданской войны — Карла I и Кромвеля — и те противоречивые эмоции, которые они вызывали у республиканцев, конституционных монархистов и роялистов.

¹³ Bongie L. David Hume, Prophet of the Counter-Revolution. Oxford, 1965. P.7.

¹⁴ Ibid. P.64.

Под влияние этих характеристик, казалось, попали все: даже Людовик XVI, как хорошо известно по документам, читал и перечитывал отрывки из Юма, находясь в Консьержери в ожидании казни. Упоминание о Карле I и Кромвеле стало для революционеров центральным пунктом в их ссылках на опыт Англии. Обеим фигурам придавалось важное символическое значение по мере прохождения Революцией разных стадий.

К Карлу I относились с наибольшим сочувствием в первые, окрашенные оптимизмом, месяцы существования конституционной монархии, когда устойчивость режима зависела от успеха сотрудничества новых властей с Людовиком XVI. Большинство революционеров и роялистов видели в Карле больше жертву, чем злодея, причем жертву скорее собственных недостатков, нежели врагов. Он был упрям, безрассудно ввел корабельные сборы и приказал арестовать своих противников, а затем малодушно обрек на смерть своего главного приверженца, графа Страффорда, поставив тем самым себя самого в зависимость от великодушия недругов — таких свирепых пуритан, как Пим, которым было чуждо великодушие. Многие действия и решения были излишне резкими и нелепыми, и даже роялистская пресса рисовала его трусом в том, что касалось защиты друзей и отстаивания принципов. И все же его считали честным и глубоко религиозным человеком, который не заслуживал смерти. Фокусируя внимание на Карле, писатели опять же говорили скорее о Франции, чем об Англии. Роялистский *Journal de Monsieur Suleau* писал, что после казни Страффорда трусость обернулась против самого Карла, и это являлось прямым посланием Людовику XVI: к нему было обращено «это предостережение государям, которые впадают в слабость малодушия, всегда губительного, думая, что следуют советам благоразумия»¹⁵. Монархистские депутаты Учредительного собрания уже были напуганы возможностью посягательств на французскую монархию: Клермон-Тоннер, Казалес и Мори были среди тех, чьи речи уже в 1789 г. изобиловали упоминаниями о Карле, Долгом парламенте и судьбе Страффорда. Эти примеры служили убедительным предостережением от каких-либо попыток ослабить институт монархии во Франции¹⁶.

* * *

Но это предупреждение услышано не было. Даже если революционеры и оставались равнодушны к фигуре Карла, то, казалось, они все были

¹⁵ *Journal de Monsieur Suleau*, 12, 1792 — Bibliothèque de l'Arsenal, JO. 20 237.

¹⁶ *Mansel Ph.* The Influence of the Later Stuarts and their Supporters on French Royalism, 1789–1840 (текст лекции, прочитанной в 1982 г. в Королевском Стюартовском обществе).

объединены нелюбовью к Оливеру Кромвелю, хотя для размышлений над историей Английской революцией у них было не очень много времени. О восприятии Кромвеля в период Французской революции писали многие, совсем недавно Роджер Барни, который утверждает, что из всех революционных лидеров только Дантон относился к Кромвелю с уважением. Другие же видели в нем личность крайне неприятную: царубийца, религиозный фанатик, благодаря лицемерию узурпировавший власть, человек, виновный в реставрации Стюартов и конечном крахе республиканизма в Британии¹⁷. Лорд-протектор упоминался в политических речах бесконечно, причем, как правило, его имя являлось символом тщеславия и предательства, олицетворением всех сил, мешавших успеху Революции. В большой статье «Исторические заметки о Кромвеле», опубликованной — случай исключительный — в газете *Moniteur* в декабре 1789 г., и в обзоре одной из двух новых работ о Кромвеле, на которые газета обратила внимание читателей за время Революции, анонимные авторы обвиняли его в лицемерии и жажде власти. Этот образ, характерный для XVIII в., восходил к работам Юма и к более ранним сочинениям истового роялиста аббата Рагене, который также был знаком читателям. Контраст между Карлом и его гонителем открыто подчеркивался: король изображался человеком стойких принципов, который оказался в подобной ситуации не по своей воле: «Те несколько упреков, которые англичане имели полное право адресовать Карлу I, не помешали им оплакивать этого несчастного государя. Будучи от рождения не без способностей, он имел, правда, гораздо больше частных добродетелей, чем талантов, и все же никоим образом не заслуживал того, чтобы сложить голову на эшафоте. Душа короля была бы немного утешена, видя, что его варварский гонитель стал объектом презрения для соотечественников. Будучи вынуждены воздвигнуть ему бюст, они покрыли тот самыми оскорбительными надписями. Каждый день он находил у себя на столе записки с угрозами своей жизни. А в конце своего пути познал истинную кару для всех злодеев — ужас и угрызения совести»¹⁸.

Благодаря знакомым историческим отсылкам и частому использованию Английской революции как темы театральных трагедий, она стала явным политическим тропом, имеющим самое прямое отношение к революционной Франции. Театру восемнадцатого века была известна драматичная борьба за преданность армии, героическое нравственное

¹⁷ *Barney R. L'image de Cromwell dans la Révolution Française // Dix-huitième siècle. 1993. Vol.25. P.387–97.*

¹⁸ *Moniteur. 1789. 31 décembre.*

противоборство, в котором сошлись, с одной стороны, Кромвель и его приверженцы, наиболее заметной фигурой среди которых был Айртон, с другой — генералы, все еще остававшиеся верными королю и руководившиеся принципами чести. Уже в 1790 г. парижская сцена увидела новые постановки на эту, наиболее революционную из тем. В частности известна пятиактовая трагедия Проспера Жольо Кребийона, озаглавленная довольно характерно «Кромвель, или Смерть Карла I», главная тема которой — взаимоотношения между тираном Кромвелем и рыцарственным Ферфаксом. Удивительно пророчески звучит описание интригана Кромвеля, движимого исключительно тщеславием, и его обвинительной речи против Карла, изображающей «этого преступного короля, от которого нас избавил Всевышний», короля, которого по всей строгости закона должен покарать и покарает «меч правосудия»¹⁹.

* * *

Во Франции, все еще следовавшей принципам конституционной монархии, Кромвель безоговорочно считался злодеем, безмерно жестоким убийцей короля, не имевшим представления о парламентских свободах и представительской форме правления. В любопытной и отчасти являющейся плагиатом пьесе «Кромвеле» (Cromvelet) анонимного автора, поставленной в Париже в 1790 г., главный герой показан опасным демагогом, использующим армию для посягательства на общественный порядок и, что еще важнее, на короля. Эта пьеса — политическое предсказание развития Французской революции. Кромвеле уже не англичанин, и живет он уже не в семнадцатом веке. Он француз, подкупленный англичанами — представления об Англии как об источнике политического подкупа были тогда широко распространены. Целью же его является установление диктатуры, в основе которой разговоры о равенстве и которая навязывается военной силой²⁰. Проще говоря, место действия сменилось. Трагедия Кромвеля явно стала французской трагедией, перенесенной в актуальный контекст Революции.

* * *

В самом деле, примечательно, как 1790 г. широко распространилось отождествление вероломства с именем Кромвеля, в особенности среди роялистских писателей, зачастую не утруждавших себя изучением обстоятельств Английской гражданской войны. Слово «Кромвель» стало

¹⁹ *Crébillon P.J., de. Cromwel, ou la mort de Charles Ier.* P., 1790. P.11.

²⁰ *Cromvelet, tragédie en cinq actes, « imprimé sur les ruines d'Herculaneum», anonymous, Paris, 1790 — Bibliothèque de l'Arsenal, G.D. 8258.*

своего рода маркером, легко узнаваемой в речах метафорой, которую можно было использовать для получения незамедлительной реакции. В другом анонимном памфлете, чей источник указан просто как «Королевская типография», этот термин используется по отношению ко всем тем, кто предал своего короля. В этом труде нет упоминания об Англии, его задача — разоблачение французских «кромвелей», или «гнусных тиранов», что в контексте Французской революции обозначало всех тех, кто отказался от монархии в поисках конституционализма: «Ламетов, чудовищ злодейства, неблагодарности и лицемерия; Эгийона, наемного убийцу; труса и глупца Лианкура; предателя — епископа Отенского; безрассудного Ноайя; мясника Барнава; цареубийцу — герцога Орлеанского; ужасного Мирабо; висельника Рёдерера; гадину Орэзона и всех других оскорбителей величества, святости и человечности, погубителей своей родины и возмутителей спокойствия других народов».

В роялистском арсенале понятие «Кромвель» служило для обозначения дворян и монархистов ранней Революции, пытавшейся обеспечить права человека путем компромисса. В последующие годы, особенно во время суда над королем, параллели между Карлом и Людовиком стали особенно очевидны, и ссылки на английский прецедент использовались в качестве аргумента как за, так и против казни Людовика. Депутат Мориссон, к примеру, видел в этом сходстве лишь предзнаменование катастрофы. «Англия взвела преступника Карла Стюарта на эшафот, и тем не менее Англия все еще под королем, — предупреждал он, добавляя, — Рим был более великодушным и просто изгнал Тарквиниев; и еще многие годы Рим имел счастье наслаждаться республиканским строем»²¹.

Шло время, менялись те, кто использовал эту аналогию, и вот уже республиканцы и термидорианцы оказались одержимы идеей разоблачения новых заговорщиков. Но слова оставались теми же; менялась лишь форма обвинения в клевете: одна ее разновидность — оскорбление величества (*lèse-majesté*) — уступала место другой — оскорблению нации (*lèse-nation*)²². Робеспьер и другие якобинские лидеры прибегали к тем же образам, чтобы предостеречь от угрозы военного переворота и заговора, вдохновляемого из-за границы. Якобинцы в провинции их в этом поддерживали. В прериале II года Республики революционный клуб Сен-Флура (Канталь) вменил неудавшуюся попытку убийства Робеспьера и Колло д'Эрбуа «презренным политическим пиг-

²¹ Выступление Мориссона 13 ноября 1792 г. — Цит. по: Regicide and Revolution. Speeches at the Trial of Louis XVI/Ed. M. Walzer. Cambridge, 1974. P.118.

²² Walton G. Ch. Policing Public Opinion in the French Revolution/Ph.D. thesis. Princeton University, 2003. P.131–87.

меям», подкупленным английскими деньгами, и настаивал на усилении борьбы против «всех Катилин, всех современных Кромвелей, развращающих мир»²³. После Термидорианского переворота, когда клубы и муниципалитеты по всей Франции бросились поздравлять Конвент со спасением Франции от террора и робеспьеристского экстремизма, снова были использованы эти старые сравнения. Вновь заговорили об угрозе со стороны «нескольких новых Кромвелей», хотя теперь имелись в виду неоякобинцы, а не умеренные (департамент Верхние Пиренеи)²⁴. Террор трактовался как политическая система, его вдохновителей определяли следующим образом: «это — система, достойная апостолов кромвеллизма», и приравнивали ее к сооружению новой Бастилии (народное общество Перна, департамент Воклюз)²⁵. Для ее безжалостного лидера даже придумали имя «Кромвель-Робеспьер», как говорили в Якобинском клубе Жекса (Эн), добавляя для полноты картины, что он был «кошмаром свободы». Так поступать было, конечно, весьма благоразумно: обращения с мест подтверждали мудрость действий Конвента, а голова Робеспьера с разможенной челюстью покойно лежала в корзине палача. Так было создано двуглавое мифическое существо «Кромвель-Робеспьер», присоединившееся к «Питу-Кобургу» и другим воображаемым созданиям революционного бестиария²⁶.

Если у каждого поколения революционеров есть своя паранойя, то тогда она, похоже, приняла форму страха перед новыми кромвелями, причем каждый последующий из них был ужасней предыдущего, но все вынашивали единственное намерение — уничтожить Революцию. Возможно, они имели мало сходства с настоящим Оливером и своим происхождением не были обязаны ни Юму, ни английской истории, если не считать, что у всех них, как и у соответствующих персонажей из истории Древней Греции и Рима, отличительными чертами были тщеславие, жадность и вооруженная сила. Кромвель пришел к власти с помощью армии, и он же призвал шотландцев выступить против собственного народа. С французской точки зрения, помимо всех этих разговоров о пуританстве и лицемерии — предметов, достаточно ненавистных самим по себе — главная опасность, исходящая от Кромвеля, состояла в поддержке его армией. Страх перед военным переворотом, перед тем, что революционный словарь определял как «цезаризм», ярко проявился

²³ Archives Parlementaires. T.91. séance du 22 prairial II.

²⁴ Ibid. T.98, séance du 6 vendémiaire III.

²⁵ Ibid. T.100, séance du 10 brumaire III.

²⁶ Ibid. Séance du 30 vendémiaire III.

в карикатурном образе Лорда-протектора. Это было одним из основных страхов Робеспьера, что и объясняет его едва ли не патологическое недоверие к армейским офицерам. Это же оставалось, хотя и не без причины, одной из главных забот Директории, в особенности после успехов ее армии в Италии и авантюры в Египте, заслонивших неудачные попытки добиться общественного и политического порядка у себя дома. И конечно же не без причины, некоторые начали искать в армии потенциальных кромвелей — честолюбивых генералов, пытавшихся, используя свое положение, захватить власть и контроль над страной.

* * *

Наполеон Бонапарт был одним из них (другим был Гош до своей безвременной кончины), и после брюмера стало весьма соблазнительно сравнивать с Кромвелем и его. Неудивительно, что этот образ распространился в Британии, где опасность вторжения делала фигуру Наполеона еще более пугающей²⁷. Во Франции национализм вкупе с цензурой отпугивали возможных писак от употребления подобного сравнения, однако изображение Бонапарта в виде Кромвеля широко применялось контрреволюционными авторами в изгнании и стало основной темой для антибонапартистской пропаганды времен Реставрации. Для того времени, однако, такие сравнения скорее выглядели как комплимент Наполеону. В 1801 г. Эспинас де Ланжеак опубликовал «Исторические заметки о Кромвелле», где подчеркивал его выдержку, достижения в управлении армией и его мужество перед лицом совершенного на него покушения — темы весьма актуальные в эпоху Консульства²⁸. Но автор относился крайне враждебно к политической программе Кромвеля и пренебрежительно — к поддерживавшим его религиозным течениям: пуританам, пресвитерианам, индепендентам. Также он описывал народное ликование, сопровождавшее Реставрацию Карла II в 1660 г., и оправдывал действия нового монарха, поясняя, что следовавшие за Реставрацией репрессии длились недолго и завершились всеобщей амнистией. Кроме того, при определенных обстоятельствах Король имеет право на маленькую месть: «Несколько военачальников, несколько членов парламента, еще остававшиеся в живых и находившиеся в Англии преступные судьи Карла I были принесены в жертву

²⁷ *Franklin A., Philp M. Napoleon and the Invasion of Britain. Oxford, 2003.* Содержит прекрасный обзор анти-наполеоновских карикатур в Англии.

²⁸ *Wright B.S. Implacable Fathers: the reinterpretation of Cromwell in French texts and Images from the Seventeenth to the Nineteenth century // Nineteenth-Century Contexts. 1997. Vol.20. P.170.*

и умерли на эшафоте. Пролились потоки крови. Жестокости, недостойные монарха, выглядят простительными для его сына»²⁹.

Не все эти сравнения были негативными. Они, действительно, могли также использоваться и защитниками Первого Консула, всегда готовыми проводить сравнение в его пользу с правителями прошлого. Что действительно интересно, так это само по себе стремление проводить такие сравнения. В своих «Параллелях между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом» Луи де Фонтен решительно защищает Наполеона от обвинения в том, что тот является «новым Кромвелем». Он доказывает, что Наполеон — герой, его приход к власти — результат его военного гения, ему присущи любовь к искусству и природная тяга к наукам. Кромвель же, наоборот, имел немного достоинств. Он описан тщеславным и фанатичным, обязанным своим приходом к власти другим людям, в особенности Ферфаксу, его пуританство было «мрачным фанатизмом», а грубые нападки на старинные университеты Оксфорда и Кембриджа продемонстрировали его страстную ненависть к науке. Если он и был великим полководцем, то таким, что ведет свои войска исключительно против своего же народа. «Как такого человека, — риторически спрашивает Фонтен, — можно хоть в чем-либо сравнивать с Бонапартом?»³⁰. Действительно, как? Единственная аналогия, которую автор рассматривает всерьез — это между Бонапартом и Цезарем, и то последний назван «главой демагогов», пришедшим к власти вопреки желаниям своего народа. Наполеон один воплощает в себе качества настоящего героя, — утверждалось в этом памфлете, вышедшем анонимно и распространявшимся по прямому указанию Люсьена Бонапарта, брата Наполеона. Сравнение с Кромвелем и противопоставление Франции ее извечному сопернику Англии — все служило упрочению власти Наполеона³¹.

* * *

С тех пор как две страны погрязли в войне и национальная гордость оказалась под угрозой, мало кто во Франции задумывался о проведении аналитических сравнений, свободных от полемической нагрузки. Так что все сравнения с Кромвелем быстро признавались пропагандой, которой они собственно и были. Лишь немногие в своем анализе шли дальше, чем Юм и враждебно настроенный Рагене. И не случайно то,

²⁹ *L'Espinasse de Langeac. Précis historique sur Cromwell. Geneva, an IX. P.150–151.*

³⁰ *Fontanes L., de. Parallèle entre César, Cromwel, Monk et Bonaparte, fragment traduit de l'anglais. P., 1800. P.1–5.*

³¹ *Englund S. Napoleon. A Political Life. N.Y., 2004. P.214–215.*

что наиболее содержательные в аналитическом плане работы о 1640-х гг. приходили из-за границы, от роялистов и эмигрантских сообществ за пределами Франции; и что после 1815 дебаты стали намного разнообразнее, а сравнения с Англией — более тонкими. Революция не благоприятствовала историческому анализу ни Английской гражданской войны, ни других сюжетов. Французы были слишком заняты собой и своим будущим, интересовало их только собственное выживание и место в истории той революции, которую они вершили.

Конечно, в 1790-х гг. выходили исторические работы по Английской революции. Но зачастую они появлялись в контексте современной политики и сравнивали Французскую революцию с другими, произошедшими в разные времена в разных странах. Это помогало французам оценить собственное положение и понять свое настоящее. Самой примечательной можно назвать двухтомную историю Оливера Кромвеля, опубликованную в 1795 Жёди Дюгур, которая представляла собой убийственное обвинение кромвелевской тирании и в такой же степени была об Англии, в какой и о Франции. Кромвель был человеком с большими способностями, писал Жёди, но в тоже время обладал всеми чертами, присущими жесточайшим тиранам, которые под предлогом освобождения навязывают свою волю народу, опираются на шпионов и доносчиков и прибегают к войне, чтобы отвлечь внимание от собственных неудач внутри страны. Действительно ли автор говорил об Англии? Конечно же, нет. Как и большинство своих современников, он отчаянно пытался объяснить события во Франции и предугадать, чем они могли бы закончиться. Его задачей было выделить ключевые события и фигуры Английской революции, которые могли бы стать ориентирами для его соотечественников. Объективность его не интересовала. Потому совсем не случайно, что он подчеркивал самые кровавые моменты Английской революции или что его излюбленными темами были политическое предательство, гражданская война, цареубийство и тирания. Это были такие темы, которые моментально приковали к себе его внимание. Перечислив предпосылки тирании, он печально вздохнул: «Что найдут для себя современные Кромвели на страницах этой книги?»³²

³² *Jedy Dugour A. Histoire d'Olivier Cromwel. P., 1795. 2 vols. P.164–167.*